ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Стенограмма публичной лекции
доктора филологических наук
профессора Н. К. ГУДЗИЯ,
прочитанной 15 декабря 1944 года
в Колонном зале Дома Союзов
в Москве

МОСКВА ★ 1945 г.

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Стенограмма публичной лекции
доктора филологических наук
профессора Н. К. ГУДЗИЯ,
прочитанной 15 декабря 1944 года
в Колонном зале Дома Союзов
в Москве

МОСКВА ★ 1945 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Творчество Льва Толстого до «Войны и мира» 3
«Война и мир» 10
«Анна Каренина» 15
Творчество Толстого в 80—90-х годах. «Воскресение». 17
Последние годы жизни 22
Заключение 24

А5465. Тираж 20.000. Заказ 3205.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Русский народ создал литературу, которая обогатила человечество величайшими художественными ценностями. В сокровищнице мировой литературы она занимает одно из первых мест. Если же говорить о романе, то русской литературе в этой области должно быть отведено, безусловно, первое место. Русский роман сыграл первостепенную роль в судьбах европейского романа. У русских писателей учились выдающиеся мастера слова и Франции, и Германии, и Англии, и славянских, и скандинавских стран, и Америки, и Японии. Можно сказать с полной уверенностью, что без знакомства с русскими романистами иностранные писатели многого не сказали бы и не выразили так, как они это сделали, оплодотворив своё творчество чтением гениальных русских писателей— Тургенева, Достоевского, Толстого.

Восторженные отзывы о Толстом мы находим у самых выдающихся писателей Запада, среди которых достаточно назвать имена Флобера, Мопассана, Ромэн Роллана, Бернарда Шоу, Голсуорси.

Отзываясь на смерть великого писателя и говоря о том, что Толстой «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе», В. И. Ленин с полным основанием мог определить творчество Толстого как «шаг вперёд в художественном развитии всего человечества» [1].

Творчество Льва Толстого до «Войны и мира»

Лев Николаевич Толстой родился в Ясной Поляне, близ Тулы, 9 сентября (нового стиля) 1828 года. Отец его, граф Николай Ильич Толстой, умер, когда мальчику было девять лет, мать же, урождённая княжна Мария Николаевна Волконская, скончалась, когда Толстому не исполнилось ещё и двух лет. Воспитательницей будущего писателя стала дальняя родственница Толстых — Т. А. Ергольская.

Большую часть своей жизни Толстой провёл в той же Ясной Поляне, из которой ушёл за десять дней до своей

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XIV, стр. 400.

смерти. Помимо Ясной Поляны, сравнительно дольше, чем в других местах, Толстой жил в Москве. Учился он в Казанском университете, в который поступил в 1844 году и из которого вышел в 1847 году, не окончив курса, так как тогдашняя университетская наука не удовлетворяла его. Вернувшись после этого в Ясную Поляну, Толстой поставил себе задачей заняться улучшением быта своих крестьян и самостоятельно овладеть обширным кругом знаний; эту последнюю задачу он осуществлял в течение всей своей жизни.

В мае 1851 года Толстой уехал на Кавказ, где пробыл до начала 1854 года, участвуя, сначала в качестве добровольца, а затем юнкера и офицера, в военных действиях. На Кавказе он написал повести «Детство» и «Отрочество» и несколько рассказов из военного быта. Там же начата была и повесть «Казаки».

Повесть «Детство» была напечатана в 1852 году в журнале Некрасова «Современник» и сразу же поставила Толстого в ряды крупнейших русских писателей. Появившиеся вслед за тем «Отрочество» и военные рассказы закрепили репутацию Толстого как первостепенного писателя. Замечательное искусство Толстого в изображении человеческой души, уменье увидеть и выразить словом тончайшие, часто противоречивые проявления внутренней жизни и ребёнка и взрослого сказались уже в этих его ранних произведениях.

Знаменитый русский мыслитель и критик Н. Г. Чернышевский, оценивая первые литературные шаги Толстого, необыкновенно метко определил характер его писательского дарования. В творчестве Толстого он отметил две существенные черты: во-первых, «глубокое знание тайных движений психической жизни», способность очень тонко улавливать «психический процесс, его формы, его законы», удивительное уменье изображать «диалектику души» и, во-вторых, «непосредственную чистоту нравственного чувства». С поразительной прозорливостью Чернышевский предсказал, что эти две черты останутся основными особенностями таланта Толстого, какие бы новые стороны ни обнаружились в его последующих произведениях.

И действительно, обе эти черты характеризуют творчество Толстого на всём протяжении жизни писателя.

Самобытность и оригинальность, проявившиеся ещё в раннем творчестве Толстого, явились отражением его напряжённой душевной жизни, его непрестанных, усиленных попыток разобраться в окружающей действительности. С первых же шагов своей сознательной жизни он стремился к тому, чтобы на всё смотреть своими глазами и всё проверять своим собственным критическим судом. Эта независимость взглядов и суждений неизбежно влекла за собой и свободу от подчинения популярным литературным образцам, особенно если они

не шли навстречу самостоятельным философским и литературным исканиям Толстого.

Непосредственное участие Толстого в военных действиях на Кавказе, а затем в Крыму дало ему материал для рассказов о войне и военном быте. Кавказские впечатления Толстого отразились в рассказах «Набег» и «Рубка леса». В них война была показана так, как до тех пор она никем не изображалась в литературе. Толстого занимает не столько внешняя, батальная сторона войны, сколько то, как ведут себя люди в военной обстановке, какие свойства своей натуры они при этом обнаруживают. Уже в этих рассказах, как позже в «Войне и мире», настоящими героями являются люди простые, скромные, часто даже застенчивые, совершенно лишённые каких бы то ни было черт показной, декоративной храбрости. Таков капитан Хлопов в «Набеге», таковы капитан Тросенко и солдат Веленчук в «Рубке леса». Определяя в последнем рассказе характер храбрости русского солдата, Толстой говорит: «Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности; напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера».

По возвращении с Кавказа Толстой был направлен в Дунайскую армию, сражавшуюся с турками, а в ноябре 1854 года он был переведён в Крым и здесь принял энергичное участие в славной обороне Севастополя. Он сам стремился перевестись в Севастополь «больше всего из патриотизма», который в то время, как выразился Толстой в письме к брату, «сильно нашёл» на него. Ещё до приезда в Севастополь Толстой записал в дневник: «Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьётся в нынешние грудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбуждённый войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства».

Вскоре по прибытии в Севастополь Толстой с восторгом писал брату: «Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Корни-

лов, объезжая войска, вместо «Здорово, ребята!», говорил: «Нужно умирать, ребята, умрёте?» и войска кричали: «Умрём, ваше превосходительство, ура!». И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а в з а п р а в д у, и уж 22 000 исполнили это обещание... Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами. Солдаты вырывают трубки из бомб. Женщины носят воду на бастионы для солдат. Многие (то есть женщины.— **Н. Г.**) убиты и ранены. Священники с крестами ходят на бастионы и под огнём читают молитвы. В одной бригаде, 24-й, было 160 человек, которые, раненые, не вышли из фронта. Чудное время!»

Сам Толстой во время севастопольской осады обнаружил незаурядную храбрость. Больше месяца он служил в самом опасном месте — на знаменитом четвёртом бастионе. Его впечатления от севастопольской осады нашли отражение в трёх замечательных «Севастопольских рассказах», из которых два первых были закончены в Крыму.

Как и в кавказских очерках, Толстой в «Севастопольских рассказах», в сущности, первый в мировой литературе правдиво показал войну — «не в правильном, красивом, блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знамёнами и гарцующими генералами», а «в настоящем её выражении — в крови, в страданиях, в смерти». Заканчивая свой второй севастопольский рассказ, Толстой писал: «Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой её? Все хороши и все дурны... Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен,— правда».

И главная правда, которую увидел Толстой в осаждённом Севастополе,— это душевное величие скромного русского солдата, спокойно и уверенно защищающего свою родину.

В рассказе «Севастополь в декабре месяце», говоря о «стыдливом чувстве любви к родине», лежащем в глубине души каждого русского человека, он писал: «Вы ясно поймёте, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжёлые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский».

Приехав во второй половине ноября 1855 года, после падения Севастополя, в Петербург, Толстой впервые попал в литературную среду и познакомился с наиболее крупными русскими писателями той поры — Тургеневым, Некрасовым, Гончаровым, Писемским, Фетом, Чернышевским,— встретив с их

стороны как писатель и человек внимательное и часто даже восторженное отношение к себе.

Один из его новых друзей — П. В. Анненков — писал в конце ноября 1856 года Тургеневу: «Толстой неузнаваем, и путь, который он пробежал в течение лета и осени, просто огромен... Я с ним сошёлся и, просто сказать, любуюсь им... Работа в нём идёт страшная». В. П. Боткин в начале января 1857 года говорил в письме к Тургеневу, что Толстой «весь исполнен жажды знания и учения» и что в нём происходит «великий нравственный процесс». Сам Толстой через два дня после этого записывает в дневнике: «Я решительно счастлив всё это время. Упиваюсь быстротой морального движения вперёд и вперёд».

За год с небольшим, прошедший со времени приезда из Крыма, Толстой закончил рассказ «Севастополь в августе 1855 года», повесть «Юность», написал рассказы «Метель», «Разжалованный» («Встреча в отряде с московским знакомым»), повести «Два гусара» и «Утро помещика».

«Утро помещика» представляет собой сокращённый вариант начатого Толстым ещё на Кавказе автобиографического произведения, носившего в рукописях заглавие «Роман русского помещика». Никто до Толстого в русской литературе с таким трезвым реализмом не изображал русского крепостного крестьянина, как это сделано в «Угре помещика». В сравнении с повестью Толстого по силе таланта могут идти лишь «Записки охотника» Тургенева, но по реализму и правдивости, с которой Толстой вскрыл пропасть, отделяющую барина от мужика, «Утро помещика» превосходит и «Записки охотника».

В конце ноября 1856 года Толстой вышел в отставку. Через два месяца после этого он отправился в своё первое путешествие за границу.

Заграничное путешествие Толстого продолжалось полгода. Толстой посетил Францию, Швейцарию, Северную Италию, Германию. В Париже Толстой слушал лекции в Сорбоннском университете.

За границей Толстой продолжал работу над начатыми ранее художественными произведениями, в том числе над «Казаками», и написал новую повесть — «Люцерн», подсказанную личными, глубоко взволновавшими его впечатлениями. Толстой негодующе ополчается в этой повести против современной ему европейской цивилизации, не знающей ни жалости, ни участия к человеку, равнодушной к искусству, покровительствующей лишь сытым, душевно чёрствым богачам.

Вернувшись в конце июля 1857 года в Россию, Толстой жил то в Ясной Поляне, то в Москве. В это время он создал замечательный рассказ «Три смерти» и небольшой по объёму роман «Семейное счастье», а также закончил начатый ещё

за границей рассказ «Альберт» и продолжал работу над «Казаками». В конце 1859 года Толстой с большим увлечением отдался школьным занятиям с крестьянскими детьми.

Толстой очень остро ощущал пропасть, отделяющую условия жизни привилегированного меньшинства от условий жизни большинства — трудового населения. В его представлении основная масса народа жила жизнью, близкой к жизни природы. Эту жизнь он резко противопоставлял жизни сытых и богатых.

В рассказе «Три смерти» показано, как умирают барыня, мужик и дерево. В смерти барыни, вся жизнь которой была далека от жизни по законам природы, есть что-то отталкивающее и жалкое; мужик, который жил и трудился как раз по законам природы, умирает спокойно и деловито; но прекрасна лишь смерть дерева, потому что она ощущается не как смерть, а как возрождение к новой, радостной жизни никогда не умирающей природы. Прекрасно и мудро всё, что связано с природой и что живёт по её законам; ложно, немошно и внутренно бесплодно то, что живёт, нарушая эти законы,— вот мысль, проходящая через всё, что писал Толстой.

В середине 1860 года Толстой вместе с сестрой и её детьми вторично поехал за границу, чтобы навестить лечившегося там от чахотки брата Николая Николаевича и познакомиться с постановкой педагогического образования в Западной Европе, так как он в ту пору собирался посвятить себя главным образом педагогической работе. На этот раз путешествие продолжалось более девяти месяцев. Толстой побывал опять в Германии, во Франции и Италии и кроме того посетил Лондон и Брюссель. Всюду, где он останавливался, Толстой больше всего теперь интересовался вопросами педагогики. Он усиленно посещал школы, особенно в Германии, причём немецкая школа произвела на него тягостное впечатление. «Ужасно,— записывает он в дневник после посещения одной школы в Киссенгене,— молитва за короля, побои, всё наизусть, испуганные, изуродованные дети».

Брата своего Толстой застал уже в безнадёжном состоянии. Смерть близкого человека тяжело поразила его...

Он вернулся в Россию. Сильнее, чем когда-либо, у него была жажда общественной деятельности. Крепостное право было только что уничтожено, но судьба русского крестьянина, попрежнему бесправного, продолжала глубоко волновать Толстого. Он чувствует и свою долю ответственности за его судьбу и принимает должность мирового посредника, чтобы способствовать облегчению участи крестьянства в своих родных местах. В то же время он со страстью предаётся педагогической деятельности в устроенной им яснополянской школе для крестьянских детей, пишет педагогические статьи,

издаёт в течение года с лишним педагогический журнал «Ясная Поляна».

Общественная и педагогическая деятельность сделали Толстого подозрительным в глазах правительства, и, по предписанию из Петербурга, в его отсутствие в Ясной Поляне в июне 1862 года был произведён тщательный обыск, не давший, однако, никаких существенных результатов.

В сентябре 1862 года Толстой женился на дочери московского врача придворного ведомства Софье Андреевне Берс. Став семьянином, Толстой увлекается хозяйственной деятельностью, не отвлекавшей его, впрочем, от напряжённой литературной работы. Он закончил давно начатых «Казаков» и в 1863 году напечатал их. В том же году вышла в свет повесть «Поликушка», начатая Толстым во время второго заграничного путешествия.

«Казаки» — одно из самых поэтических созданий Толстого. Люди и природа Северного Кавказа изображены тут во всей своей стихийной силе и почти первобытной красоте. Дядя Ерошка, красавица казачка Марьянка, казак Лукашка — свободные и сильные дети величественной в своей простоте природы, которым неведом тот душевный разлад, каким заражён столичный аристократ Оленин — образ, во многом автобиографический. Оленину самому хочется зажить такой же простой и гармоничной жизнью, какой живут эти люди, но он отягчён душевным грузом, от которого не в силах освободиться. Попав в среду, чуждую навыкам цивилизованного человека, Оленин терпит крушение в своих попытках слиться с этой средой. Он чужой здесь, его любовь к Марьянке остаётся безответной, и он уходит от казаков, чтобы возвратиться в привычные для него условия жизни.

«Поликушка» — трагическая история крестьянина, живущего в пору крепостного права. Как и в «Утре помещика», Толстой в этой повести показывает тщетность всяких попыток со стороны помещиков придти на помощь крепостным крестьянам даже тогда, когда помещики искренно этого хотят. Повесть «Поликушка» написана в том же стиле сурового и откровенного реализма, как и «Утро помещика», и держит читателя всё время в состоянии взволнованного напряжения. «Прочёл я «Поликушку» Толстого,— писал Тургенев,— и удивился силе этого крупного таланта... даже до холода в спине пробирает... Мастер, мастер!»

Внутренняя ложь и уродство жизни привилегированных классов художественно ярко и смело показаны Толстым в повести «Холстомер», задуманной ещё в 1856 году, в большей своей части написанной в 1863 году, но окончательно отделанной лишь в 1885 году. В повести рассказана жизнь замечательного рысака Холстомера — от его цветущей молодости до старости, когда он превратился в жалкую клячу.

И параллельно с этим Толстой рисует образы хозяев, поочерёдно владевших Холстомером. Холстомеру непонятна та масса условностей и предрассудков, которыми люди опутали свою жизнь. Ему представляется бессмысленным и противоречивым институт собственности. Жизнь лошади, живущей по законам природы, оправдана вся, от начала до конца, жизнь же её хозяев ничтожна и жалка.

«Война и мир»

В конце 1863 года Толстой принялся за работу над романом «Война и мир». Шесть с лишним лет «непрестанного и исключительного труда при наилучших условиях жизни», как говорил сам Толстой, ушло у него на создание «Войны и мира». Результатом этого труда был исторический роман из эпохи Отечественной войны 1812 года, роман равного которому — по художественным качествам, по глубине содержания и широте охвата жизни — не знает никакая другая литература в мире. Знаменитый французский писатель Флобер, один из величайших европейских романистов, познакомившись с «Войной и миром» во французском переводе, с восторгом восклицал по адресу Толстого: «Это Шекспир, это Шекспир!»

К «Войне и миру» Толстой пришёл от повести «Декабристы», события которой были приурочены к 1856 году — времени возвращения из Сибири героя произведения. Но начатая повесть вскоре была Толстым оставлена: он почувствовал необходимость — для объяснения судьбы своего героя в 50-х годах — обратиться в глубь истории, сначала к 1825 году — году восстания декабристов,— потом к 1812 году — поре молодости героя. Эта пора совпала со «славной для России эпохой», «запах и звук» которой ещё ощущались во время работы Толстого над романом.

Но и на этот раз он оставил начатое: личность героя, как говорит Толстой в наброске предисловия к роману, отступила на второй план, а на первое место выступила самая эпоха, предшествовавшая 1812 году. И Толстой начал роман с событий 1805 года.

По мере того как работа над романом подвигалась вперёд, он превращался в величественную эпопею народной доблести и славы, не утратив, однако, черт семейной хроники, намеченных в первоначальном его замысле. Творчески вживаясь в эпоху Отечественной войны, Толстой понял, каковы были основные движущие силы героических событий этого славного людьми и делами времени. Величайшая художественная честность приводила Толстого к тому творческому озарению, которое открывало ему подлинную правду жизни и истории.

В художественных образах «Войны и мира», и в главных и второстепенных, нас привлекает не только глубокое про-

никновение Толстого в человеческие характеры и в исторический быт, не только исключительный по силе реализм, но и его глубокая вера в непочатые силы народа, та утверждающая и радостная сила жизни, которой проникнут весь роман.

Подлинным, непререкаемым героем «Войны и мира» является русский народ, защищающий родную землю от вторгшейся в неё непобедимой до тех пор и увенчанной военными лаврами армии Наполеона. Война России с иностранными захватчиками показана Толстым с правдивостью историка и художника-реалиста как война народная, справедливая. Народ защищал свою национальную независимость, своё историческое право самому решать свои судьбы. Обороняясь, русские подняли «дубину народной войны», которая «гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё нашествие». «Скрытая теплота патриотизма» поднялась во всех слоях русского общества; ненависть к врагу в одинаковой мере испытывали и купец Ферапонтов, сжигающий свою лавку при занятии французами Смоленска, чтобы ничего не досталось врагу, и мужики Карп и Влас, отказывающиеся продавать французам сено даже за большие деньги и сжигающие его, и князь Андрей Болконский, вначале преклонявшийся перед Наполеоном как полководцем.

Накануне Бородинской битвы Болконский говорит, что предстоящее сражение должно быть русскими выиграно, потому что победа зависит от того чувства родины, которое есть в нём самом, в капитане Тимохине и в каждом русском солдате.

Болконский имел все основания для того, чтобы предвидеть конечное торжество русского войска на Бородинском поле. Он чутко подметил в солдатах ту волю к победе, которая обнаружилась потом в самом сражении. Своей верой в успех русского оружия он заразил и Пьера Безухова, который «понял теперь весь смысл и всё значение этой войны и предстоящего сражения».

Бородинская битва, по мысли Толстого, была прежде всего нравственной победой русского народа. Русские, потеряв половину своего войска, стояли так же грозно в конце сражения, как и в начале его. На левом, решающем фланге кутузовских армий, войска Багратиона стойко отразили все атаки врага. Французы поняли нравственное превосходство своего противника; поняли также, что сами они были нравственно истощены, опустошены. Это и предопределило в дальнейшем их полное поражение. Докатившись до Москвы, французская армия неминуемо должна была погибнуть от смертельной раны, полученной ею при Бородине. Оставление Москвы жителями, по утверждению Толстого, произошло потому, что «для русских людей не могло быть вопроса: хорошо или дур-

но будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего». Всё это обусловило свершение «того величественного события, которое навсегда останется лучшею славой русского народа».

Народный характер войны 1812 года особенно явственно сказался в стихийном росте партизанских отрядов. Партизанская война началась ещё со времени вступления неприятеля в Смоленск, но особенно усилилась после отступления его от Москвы. Это была война, противоречившая обычным теоретическим правилам военного искусства, но тем не менее наносившая сокрушительные удары врагу. Как о выдающихся героях партизанских отрядов Толстой говорит о ротмистре Василии Денисове, прототипом для которого в значительной степени послужил известный поэт-партизан Денис Давыдов, о крестьянине Тихоне Щербатом, славившемся своей удалью и находчивостью, об одном дьячке, ставшем начальником отряда и за месяц взявшем несколько сот пленных, о старостихе Василисе, побившей сотни французов.

Сила народного духа родит великих полководцев, осуществляющих в своей деятельности волю народа. Подлинное, нужное народу дело, приводящее к торжеству над врагом и к победе, делает, по мысли Толстого, лишь тот полководец, который умеет улавливать и постигать народный дух, умеет прислушиваться к настроению солдатской массы. Таков у Толстого Кутузов, в своей военной практике воплощающий дух всего народа, на себе выносящий всю тяжесть ответственности за исход великого военного испытания. «Источник необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений,— говорит о Кутузове Толстой,— лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его. Только признание в нём этого чувства заставило народ такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать, против воли царя, в представители народной войны».

Кутузов всегда утверждал, что Бородинское сражение было победой русских войск и что эта победа повлекла за собой катастрофу наполеоновской армии. В одном из черновых вариантов «Войны и мира» Толстой писал: «Приняв командование армиями в самую трудную минуту, он вместе с народом, и по воле народа, делал распоряжения для единственного сражения во всё время войны, сражения при Бородине, где народ напряг все свои силы, и где народ победил, и где один Кутузов, чувствовавший всегда вместе с народом, противно всем толкованиям своих генералов, противно преданиям о признаках победы, предполагающим занятие места, знал то, что знал весь русский народ,— то, что народ этот победил».

Кутузов это знал потому, что отчётливо понимал нравственное превосходство русского войска над французским. Все действия Кутузова вытекали из чувства, «которое лежало в душе главнокомандующего так же, как в душе каждого русского человека».

Полной противоположностью Кутузову в изображении Толстого является Наполеон, человек самовластный и самомнительный, верящий лишь в себя и в свою непогрешимость распорядителя человеческими судьбами.

Рядом с Кутузовым ничтожными пигмеями и бездарностями в «Войне и мире» изображены генералы из немцев, служившие в русской армии в войну 1812 года. Самоуверенная ограниченность немцев ярче всего воплощена Толстым в образе генерала Пфуля, незадачливого организатора Дрисского укреплённого лагеря. Пфуль, по словам Толстого, «был один из тех безнадёжно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми только бывают немцы». «Немец,— пишет Толстой,— самоуверен хуже всех и твёрже всех и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина».

Духовная сила, которую обнаружил русский народ в Отечественную войну 1812 года,— та сила, что воплотилась в деятельности Кутузова,— даёт себя знать и в Андрее Болконском, и в Пьере Безухове, и в Наташе Ростовой, и в других персонажах «Войны и мира». В самые значительные моменты своей жизни они прибегают к народной правде и проявляют ту величественную простоту, какую они находят в тесном соприкосновении с народной стихией, с народным чувством родины.

Глубочайшее проникновение в тайники человеческой души, необычайная острота зрения, давшая возможность Толстому подсмотреть и показать всю совокупность тех невидимых неискушённому главу черт, движений, поступков, из которых складываются человеческие индивидуальности, живейшее чувство природы, необычайная свежесть и непосредственность восприятия — все эти качества сделали «Войну и мир» гениальнейшим произведением подлинного реалистического искусства.

Критик Н. Н. Страхов, суждения которого о «Войне и мире» Толстой особенно ценил, писал об этом романе: «Какая громада и какая стройность! Ничего подобного не представляет нам ни одна литература. Тысячи лиц, тысячи сцен, всевозможные сферы государственной и частной жизни, история, война, все ужасы, какие есть на земле, все страсти, все моменты человеческой жизни, от крика новорождённого ребёнка до последней вспышки чувства умирающего старика, все радости и горести, доступные человеку, всевозможные душевные настроения — от

ощущения вора, укравшего червонцы у своего товарища, до высочайших движений героизма и дум внутреннего просветления — всё это есть в этой картине... Подобного чуда в искусстве, притом чуда, достигнутого самыми простыми средствами, ещё не было на свете».

Существенной особенностью «Войны и мира» является то, что батальная тема романа переплетена здесь с широким изображением всего хода жизни, её сплошного потока в эпоху 1812 года. То, что совершается на полях сражений, теснейшим образом связано тут с многообразными сторонами человеческого бытия. Персонажи романа выступают перед нами в сложном комплексе часто противоречивых чувств, настроений, поступков, образующих психологическую целостность личности. Этим достигается тот всеохватывающий психологический синтез, при котором приобретает органическое единство поведение людей в обстановке фронта и тыла или, говоря словами Толстого, в обстановке войны и мира.

Своё замечательное уменье живописать человеческие характеры Толстой проявил на огромном числе действующих в романе лиц, от главных до второстепенных и третьестепенных, проходящих в широкой перспективе романа часто лишь мельком. Оно обнаруживается прежде всего в изображении двух центральных фигур «Войны и мира» — Андрея Болконского и Пьера Безухова. В них нашли себе воплощение два незаурядных по своему внутреннему содержанию психологических типа, выходящих за пределы своей эпохи, во многом отразивших процессы душевной жизни самого автора и в то же время отличающихся чертами подлинной общечеловечности.

Из женских образов романа наибольшим художественным совершенством отличается образ Наташи Ростовой. В галлерее женских образов мировой литературы это один из наиболее пленительных. Во всём облике Наташи столько здоровой красоты, прелести, столько подлинно человеческого, покоряющего непосредственностью и силой чувства, что мы невольно проходим мимо тех черт её характера, которые обусловливаются влиянием на неё окружающей среды, и любуемся незаурядностью её натуры, радуемся её радостями и печалимся её печалями.

Со всей силой жизненного правдоподобия и замечательной выразительности встают перед нами со страниц «Войны и мира» фигуры и Николая Ростова, и старого князя Болконского, и его дочери княжны Марьи Болконской, и многих других персонажей романа.

«Война и мир» в наше время — самое популярное и самое любимое произведение русской литературы. Его снова и снова перечитывают миллионы советских читателей; страницы, посвящённые героическому прошлому русского народа, помогают лучше осмыслить и почувствовать героизм и духовное величие нашего народа в настоящем, воодушевляют на борьбу за

полное торжество над кровавым гитлеризмом. Своим гениальным постижением русского народного духа в пору тяжких исторических испытаний Толстой помогает нам крепить нашу мощь в борьбе за достоинство и независимость нашей великой родины.

Бессмертная эпопея Толстого звучит сейчас так, как не звучала она ещё никогда: её читают и перечитывают всюду, где ненавидят гитлеризм и ведут с ним победоносную борьбу. В Англии, в Америке выходят в образцовых переводах новые и новые издания «Войны и мира». О романе Толстого с восторгом говорят иностранные критики, писатели; журналисты, общественные деятели.

«Анна Каренина»

Вскоре после окончания работы над «Войной и миром» Толстой задумал роман из эпохи Петра I, но, заготовив для романа много материала и написав ряд художественно полноценных фрагментов его, он прекратил эту работу, оставшись неудовлетворённым той степенью реальности в изображении отдалённой петровской эпохи, которой ему удалось достигнуть.

С большой энергией он взялся за составление задуманной им «Азбуки» для народа, принялся изучать греческий язык и в три месяца настолько овладел им, что мог без словаря читать греческих авторов, «страстно, но урывками» занимался естественными науками, особенно физикой и астрономией, вновь увлекался педагогикой.

В марте 1873 года Толстой принялся за работу над романом «Анна Каренина».

Задумывая новый роман, Толстой первоначально хотел показать в нём судьбу «потерявшей себя» замужней женщины из высшего общества. Но чем дальше подвигалась работа над романом, тем шире раздвигались его рамки, как это всегда бывало у Толстого, когда он осуществлял свои литературные замыслы. В окончательной редакции «Анна Каренина» превратилась в роман, отразивший в себе целую эпоху русской жизни. С поразительным мастерством и предельной силой психологической правды Толстой изобразил в нём трагедию молодой, внутренно незаурядной женщины, попытавшейся пойти тем путём, какой подсказывал ей живой инстинкт жизни, и погибшей в тисках светского уклада с его лживой и бездушной моралью. Эгоизму Каренина и его круга, ограниченной, формальной правоте поведения Вронского противопоставлена в романе правда горячего и неуспокоенного женского сердца, которое не выдержало непомерной тяжести выпавшего на её долю душевного бремени.

«Свет» становится на пути Анны в её любви к Вронскому.

Её муж Каренин — чёрствая натура, канцелярская машина; в нём редко проявляется настоящий, живой человек. Ему нехватает таланта любви, которым в избытке наделена Анна. Но в своей любви к Вронскому она не находит счастья, потому что у Вронского нет той широты понимания страдающей женской души и той чуткости, в которых особенно нуждалась Анна.

Рядом с историей жизни Анны Карениной, Каренина, Вронского в романе показана жизнь Левина и его невесты, а затем жены — Кити. Здесь Толстой в очень большой степени отразил свою собственную жизнь и жизнь своей жены в её молодости, а также свои поиски смысла и цели жизни.

Судьба всех героев романа, и основных и второстепенных, показана в тесной связи с эпохой 70-х годов. Получилась яркая картина жизни разных слоёв общества тогдашней России, начиная от дворянских верхов и кончая крестьянством. Всё, что занимало и волновало широкие круги русского общества того времени, нашло в романе своё отражение. Пореформенный помещичий и крестьянский быт, научные и философские проблемы эпохи, вопросы искусства, исторические и политические события, отдельные правительственные мероприятия, факты общественной жизни — всё это так или иначе отразилось в «Анне Карениной».

Недаром В. И. Ленин в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха», приводя цитату как раз из «Анны Карениной» (слова Левина: «У нас теперь всё это переворотилось и только укладывается»), указывает, что «трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов».

Характерно, что у Толстого работа над художественным произведением всегда сопровождалась стремлением уяснить себе существенные вопросы, волновавшие его и выдвигавшиеся современностью. Толстой смело нарушал общепринятые литературные каноны и жертвовал ими, когда ему нужно было откликнуться на факты реальной жизни, так или иначе задевавшие его и заставлявшие работать его сознание. Художественный образ для Толстого был прежде всего средством возможно более точно и наглядно сообщить читателю свои мысли о жизни и одновременно самому себе помочь оформить их в их конкретном выражении.

«Анна Каренина» — произведение, в котором глубина идейного замысла органически сочетается с изумительной мощью словесного искусства. По силе и мастерству изображения живых людей с их душевными переживаниями, с их радостями и страданиями, волнениями и заботами, нравственными исканиями и блужданиями этот роман не уступает «Войне и миру». В «Анне Карениной» Толстой — всё тот же великий художник-психолог, необыкновенный знаток человеческой души. Казалось бы, что во всём, ранее им созданном, он

исчерпал все разновидности человеческой психологии и человеческих характеров, доступные писательскому и жизненному опыту одного художника. Однако в «Анне Карениной» Толстой, не повторяя себя, показал нам новые человеческие индивидуальности и проник в новые психологические глубины, им пока ещё не затронутые или затронутые лишь мимоходом. Анна, Вронский, Левин, Каренин, Кити, Стива Облонский, его жена Долли — все эти образы — замечательные художественные открытия. Они были под силу только всё крепнувшему и развивавшемуся таланту Толстого, нашедшего сверх того и новые, свежие краски для изображения в своём романе быта и природы и новые формы композиционного построения самого романа.

Творчество Толстого в 80—90-х годах. «Воскресение»

Ко времени окончания «Анны Карениной» уже вполне созрел тот перелом во взглядах Толстого на жизнь, на её нравственные основы, на религию и общественные отношения, который, углубившись в 80-х годах, отразился во всех последующих произведениях Толстого.

В таких своих произведениях, как «Исповедь», «В чём моя вера?», «Так что же нам делать?», Толстой с большим волнением и искренностью пересматривал и свои собственные нравственные, религиозные и общественные взгляды и навыки и всё то, чем жило современное ему общество и что усердно охранял социальный и государственный строй царской России.

Начав с отрицания церковной веры, Толстой всё больше проникается отрицательным отношением к самодержавному строю. Ему внушает отвращение фигура Победоносцева, ставшего опорой реакции. В 1881 году Толстой пишет Александру III письмо, в котором просит помиловать революционеров, убивших Александра II, но Победоносцев отказывается передать это письмо по назначению. Тогда же Толстой записывает в дневнике: «Революция экономическая не то что может быть, а не может не быть. Удивительно, что её нет».

В сентябре 1881 года Толстой с семьёй на длительное время поселился в Москве, чтобы дать образование подросшим детям. Посещение им московского Хитрова рынка и ночлежного дома, а также участие в январе 1882 года в трёхдневной московской переписи открыли ему глаза на мрачные стороны городской жизни, о чём он взволнованно рассказал в трактате «Так что же нам делать?», явившемся в то же время изложением основных мыслей Толстого по вопросам религии, морали, науки, искусства и важнейшим социальным, экономическим и педагогическим проблемам.

В книге «Так что же нам делать?» вполне определились

позиции Толстого, сблизившие его с идеологией русского патриархального крестьянства, всё больше разоряемого и нищавшего по мере проникновения в деревню капиталистических отношений. До конца своих дней Толстой и в своих публицистических и религиозных статьях и в художественных произведениях энергично и настойчиво выступал суровым обличителем устоев капиталистической действительности.

По определению Ленина, Толстой был «зеркалом русской революции» и её провозвестником. В мировоззрении Толстого отразилась вся противоречивость крестьянского мышления и крестьянской психологии в пору стремительного наступления капитализма и подготовки в России буржуазно-демократической революции. Ленин отметил, что эта противоречивость у русского крестьянина и у Толстого сказалась в том, что страстный протест против гнёта полицейско-самодержавного государства совмещался у них с пассивным отношением к царившему злу, с религиозной мечтательностью и проповедью непротивления.

Близко принимая к сердцу народное горе, смело и энергично обличая всё то, что он считал причиной бедственного положения народа, Толстой последние тридцать лет своей жизни упорно и настойчиво проповедывал своё учение, которое, по его убеждению, должно было способствовать водворению истинной справедливости на земле. Однако его проповедь и его учение оказались бессильными в деле переустройства жизни на началах добра и справедливости, как того хотел Толстой, потому что он в своих воззрениях и в своём отношении к волновавшим его вопросам исходил не из непреложных законов исторической необходимости, а из отвлечённых моральных и религиозных положений.

Тем не менее В. И. Ленин, признавая в целом учение Толстого утопичным, говорил, что «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России» [1]. Мировое значение Толстого как художника и мировую его известность как мыслителя и проповедника Ленин объяснил тем, что во всём том, что писал Толстой, по-своему отразилось мировое значение русской революции. «Великое народное море,— образно писал Ленин,— взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого» [2].

Толстовская проповедь вызвала со стороны правительства и церковных властей резко недоброжелательное отношение. Только огромный авторитет великого писателя спасал его от личных преследований.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XII, стр. 333.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. XIV, стр. 407.

Моральный и религиозный кризис, вполне определившийся у Толстого к началу 80-х годов, не мог не сказаться на всём характере его художественного творчества этого и последующего времени, как не мог он не сказаться и на взглядах его на задачи искусства. Толстой энергично восстаёт против искусства, рассчитанного на удовлетворение вкусов и потребностей привилегированных классов, и защищает искусство всенародное, способное объединить возможно большее количество людей в их духовной деятельности. Такое искусство должно быть общепонятным и должно отвечать на жизненные запросы трудовой народной массы, то есть, по взгляду Толстого, крестьянства.

Необыкновенно высоко оценивая народное творчество — сказки, легенды, песни, былины, пословицы,— Толстой берёт его за образец для себя как писателя. Так создаются народные рассказы Толстого, которые ставят себе задачей дать народу здоровую духовную пищу взамен низкопробной и безидейной лубочной литературы. Многие из этих рассказов написаны в форме притч, и этим ещё больше подчёркивается их поучительный, сугубо моралистический характер. Им чужд изощрённый психологизм большинства произведений Толстого, но они отличаются той ясностью и сжатостью стиля и той простотой, которые сами по себе являются высоким достижением искусства и роднят прозу народных рассказов Толстого не только со стилем народного творчества, но и с гармонически ясной и прозрачной прозой Пушкина.

Наряду с народными рассказами Толстой пишет в эти годы и народные драмы, которые противостояли балаганным представлениям так же, как народные рассказы противостояли лубочной литературе. По своим художественным качествам эти драматические опыты в большинстве уступают народным рассказам, но среди них высится, как мировой драматический шедевр, пьеса «Власть тьмы» — подлинная трагедия шекспировской силы. Толстой в ней использует те средства проникновенного психологического анализа, которые так хорошо знакомы нам по его предшествующим произведениям и к которым он намеренно не прибегал в народных рассказах. В пьесе с огромным художественным мастерством показана патриархальная, отсталая русская деревня в столкновении с проникающими в неё капиталистическими отношениями. Впечатление, произведённое «Властью тьмы» не только в России, но и в Западной Европе, было очень велико. Вслед за русской сценой она появилась на сцене многих заграничных театров.

Вскоре после «Власти тьмы» Толстой написал комедию «Плоды просвещения», в которой изобразил праздное барство, увлекающееся модным в ту пору спиритизмом. Это злая и очень остроумная сатира на господские причуды и господское

безделье. Сочувственно изображены в комедии только безземельные крестьяне, добившиеся продажи им господской земли при помощи своей изобретательной односельчанки — горничной, одурачившей своих бар вмешательством «духов», которое она сама ловко подстроила.

Одновременно с «Властью тьмы» появляется в свет одна из замечательных повестей Толстого — «Смерть Ивана Ильича», написанная на тему об ужасе умирания человека, всё существование которого было наполнено ничтожной и жалкой житейской суетой. Ничего сколько-нибудь значительного, что поднималось бы над мелочным распорядком размеренной жизни, не было в скудной биографии Ивана Ильича; никакие серьёзные вопросы, выходящие за пределы служебной карьеры и обеспеченного домашнего быта, не приходили ему в голову. Но вот неожиданно от случайного ушиба его настигает тяжёлая, мучительная болезнь. С гениальной интуицией Толстой изображает течение болезни со всеми её деталями, показывая при этом, как впервые у Ивана Ильича возникает работа внутреннего сознания, приводящая его к суровой самопроверке и безнадёжному отчаянию человека, которому нечем оправдать себя перед лицом неминуемой смерти. Никто до Толстого, да и после него, не вскрыл с такой правдивостью душевную и физическую муку умирающего, жизнь которого была сплошным самообманом.

В конце 80-х и в начале 90-х годов Толстой усиленно работал над художественными произведениями на тему о чувственной любви. К этому времени относятся его повести «Крейцерова соната» и «Дьявол», а также начало работы над повестью, которая через десять лет развернулась в роман «Воскресение». И в «Крейцеровой сонате» и в «Дьяволе» Толстой с необыкновенной смелостью вскрыл губительность испепеляющей человека стихии чувственной любви, не согретой ни одним лучом человеческих, духовных отношений. Эта же тема занимает значительное место в тогда же начатой, но так и не законченной повести «Отец Сергий».

То миросозерцание и отношение к жизни, которые определились у Толстого в 80-х годах, в дальнейшем всё более и более укреплялись. В 1891, 1893 и 1898 годах он принимал энергичное участие в помощи пострадавшим от голода: сам посещал голодающие деревни в Рязанской, Тульской и Орловской губерниях, устраивал для голодающих столовые, организовал сбор пожертвований, писал статьи о мерах борьбы с голодом.

В своих письмах к Александру III и потом к Николаю II Толстой смело и настойчиво протестовал против всяческих проявлений произвола и насилия, характеризовавших самодержавный режим. Так, в конце декабря 1901 года он пишет Николаю II письмо, в котором призывает его уничтожить

«тот гнёт, который мешает народу высказать свои желания и нужды», отменить «те исключительные законы», которые ставят трудовой народ «в положение пария», предоставить русским гражданам «свободу передвижения, свободу обучения и свободу исповедания веры» и уничтожить частную земельную собственность.

Выражением страстного протеста против коренных устоев самодержавного строя явился роман Толстого «Воскресение». Начатый ещё в 1889 году, он писался медленно, с большими остановками, и лишь начиная с 1898 года работа над ним пошла интенсивно. Обличительная сила романа была настолько велика, что текст его, печатавшийся в России в журнале «Нива» за 1899 год и затем выпущенный отдельным изданием в 1900 году в Петербурге, появился с огромным количеством цензурных изъятий и изменений. Бесцензурное издание романа могло выйти лишь за границей, в Англии, где его параллельно с русским изданием печатал В. Г. Чертков. Выход в свет «Воскресения» был основным поводом к отлучению Толстого Синодом в 1901 году от церкви.

В «Воскресении» дана суровая критика всех устоев, на которых покоилась жизнь привилегированных классов царской России. Но, несмотря на то что действие романа, его персонажи, обстановка, в которой развёртываются события, приурочены к определённой эпохе русской жизни,— всё это, по существу, могло характеризовать жизнь любого общества капиталистической эпохи.

Рисуя судьбу Катюши Масловой, жертвы чувственной страсти князя Нехлюдова, и затем возрождение сосланной в Сибирь Масловой под влиянием ссыльных-революционеров, мастерски изображая раскаяние Нехлюдова и его стремление нравственно переродиться, Толстой в то же время показывает в романе нищую, разорившуюся деревню, царскую тюрьму и её обитателей, сибирскую ссылку и революционеров, даёт обличительное изображение суда, церкви, высшего чиновничества и всего государственного и общественного строя самодержавной России.

История мировой литературы не знает другого произведения, в котором с такой взволнованностью, с такой чистотой высокого нравственного чувства и в такой широте были бы показаны неправда и вопиющая несправедливость капиталистического строя и самодержавно-полицейского режима, как это сделано в «Воскресении». «Самый трезвый реализм», говоря словами Ленина,— отличительное качество романа. Всё, что до тех пор писал Толстой как проповедник-обличитель, всё, против чего он выступал как моралист и публицист, нашло себе в «Воскресении» своё наиболее полное художественное выражение. Ни одно из предшествовавших художественных созданий Толстого не было пропитано таким страст-

ным протестом против современной ему капиталистической действительности, как «Воскресение». Нигде Толстой так не срывал «всех и всяческих масок» (Ленин), как в «Воскресении».

Последние годы жизни

В последующих своих произведениях — художественных и публицистических — Толстой не переставал отзываться на всё, что волновало его нравственное сознание и тревожило его взыскательную совесть.

На склоне своих дней он написал пьесу «Живой труп» и повесть «Хаджи-Мурат» — произведения, во многом резко противоречащие учению Толстого о непротивлении. Главное действующее лицо «Живого трупа» — Федя Протасов — живое воплощение горячего протеста против узаконенного лицемерия буржуазной семьи, в которой супружеские отношения скреплены не чувством взаимной любви, а узами юридического принуждения. Прописные заповеди «морали» оказываются жалкими и беспомощными перед естественной силой душевной привязанности, связывающей Протасова и цыганку Машу. Не отвлечённые моральные предписания определяют поведение человека, а живое полноценное чувство, не стесняемое никакой условной ложью, не допускающее никаких компромиссов и сделок с голосом совести. Таков внутренний смысл пьесы Толстого.

В «Хаджи-Мурате» с таким замечательным художественным мастерством нарисована фигура непокорного, свободолюбивого горца, с такой нескрываемой симпатией относится к нему Толстой, что кажется, будто писатель отказался от своей проповеди непротивления злу насилием и даже приветствует противление угнетению и насилию над свободой и достоинством человека. Читая «Хаджи-Мурата», вспоминаешь больше автора «Казаков», чем автора позднейших религиозно-философских трактатов. Поразительны благородная простота и строгость стиля и языка «Хаджи-Мурата». Перед нами словно воскресает сжатая и чеканная проза Пушкина, сдержанная и немногословная, но тем более волнующая и впечатляющая.

«Хаджи-Мурат» и «Живой труп» нагляднейшим образом иллюстрируют те противоречия в мировоззрении и творчестве Толстого, которые так убедительно вскрыты в ленинских статьях. Эти противоречия между тем, что писал Толстой-художник, и тем, чему учил Толстой-проповедник, не мешали Ленину сказать, что творчество Толстого явилось «шагом вперёд в художественном развитии всего человечества», и в беседе с М. Горьким заявить, что в Европе рядом с Толстым как художником некого поставить.

Последние годы жизни Толстого были заполнены обычной

для него неустанной работой. Несмотря на тяжёлую болезнь, перенесённую им в 1901—1902 годах, он был крепок не только духовно, но и физически. Однако чем дальше, тем больше Толстой тяготился своей жизнью в Ясной Поляне — жизнью обеспеченного человека среди нуждающихся крестьян. Лишённый душевного покоя, Толстой всё настойчивее стал думать об уходе из Ясной Поляны.

В 1906 году он написал в дневнике: «Всё больше и больше болею своим довольством и окружающей нуждою... Пропасть народа, все нарядные, едят, пьют, требуют. Слуги бегают, исполняют. И мне всё мучительнее и мучительнее, труднее и труднее участвовать и не осуждать».

От революции 1905 года Толстой ждал освобождения народа от тяжёлых материальных и нравственных условий его существования. Он писал в одном из своих писем: «Я во всей этой революции состою в звании, добро- и самовольно принятом на себя, — адвоката стомиллионного земледельческого народа. Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь; всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от неё, я не сочувствую». Его, врага всякого насилия, на этот раз не смущали неизбежные насилия, которыми сопровождалась революция. В письме к В. В. Стасову он писал: «События совершаются с необыкновенной быстротой и правильностью. Быть недовольным тем, что творится, — всё равно, что быть недовольным осенью и зимой, не думая о той весне, к которой они нас приближают». Толстой верил, что революция 1905 года «будет иметь для человечества более значительные и благотворные последствия, чем Великая французская революция».

Жестокая реакция, наступившая после подавления революции, глубоко волновала Толстого и обостряла его душевные страдания. В 1908 году он написал статью «Не могу молчать!» — гневный протест против смертных казней, к которым прибегало царское правительство, думая до конца уничтожить следы революции.

Всё сильнее и сильнее смущала Толстого разница между той обстановкой, в которой он жил, и обстановкой, в какой жили народные массы. В том же, 1908 году он записывает в дневнике: «Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание». И через несколько дней: «Всё мучительнее — неправда безумной роскоши среди недолжной нищеты, нужды, среди которых я живу... Не могу забыть, не видеть». В апреле 1910 года Толстой жалуется в дневнике: «Мучительная тоска от сознания мерзости своей жизни среди работающих для того, чтобы еле-еле избавиться от холодной, голодной смерти... Вчера проехал мимо бьющих камень, точно меня сквозь строй прогнали...»

Начиная с 1909 года, в дневниках Толстого всё чаще и чаще встречаются записи о том, что ему необходимо покинуть свой дом. К этому побуждали его в то время и всё усиливавшиеся столкновения с женой, не разделявшей его воззрений. Наконец рано утром 28 октября 1910 года Толстой выполнил своё намерение и тайком уехал из Ясной Поляны. Но в пути, в вагоне 3-го класса, он, 82-летний старик, заболел воспалением лёгких. Начальник маленькой железнодорожной станции Астапово поместил тяжело больного великого писателя в своём доме. 20 ноября (нового стиля) Толстой умер. Прах его был погребён в Ясной Поляне, в лесу, на месте, заранее им самим указанном.

Заключение

Величие Толстого-художника, помимо прирождённой гениальности, обусловливается также исключительной его требовательностью к себе и тем высоким пониманием задач искусства, какое присуще было ему на протяжении всего его писательского пути.

В глазах Толстого художник и мыслитель прежде всего — учителя жизни, на которых возлагаются величайшие обязанности и которые несут серьёзную ответственность за всё, что выходит из-под их пера. «Мыслитель и художник,— писал Толстой,— никогда не будут спокойно сидеть на олимпийских высотах, как мы привыкли воображать; мыслитель и художник должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение. Кроме того, он страдает ещё потому, что он всегда, вечно в тревоге и волнении: он мог решить и сказать то, что дало бы благо людям, избавило бы их от страдания, дало бы утешение, а он не так сказал, не так изобразил, как надо; он вовсе не решил и не сказал, а завтра, может, будет поздно — он умрёт... Гладких, жуирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает». Трудно подыскать у какого-либо другого писателя такую чёткую и высокую формулировку требований к писателю, какую мы находим в этих словах.

Чтобы стать настоящим писателем, нужно, по мысли Толстого, непрестанно и упорно работать над собой как художником и прежде всего как человеком. И такая огромная работа всегда сопровождала весь жизненный путь Толстого, до самой его смерти. Внешнее своё выражение она находила в дневниках, которые он вёл, с небольшими перерывами, от юности до кончины. В них он и в важном и в мелочах контролировал самого себя, определял правила своего поведения, с суровостью взыскательного и неподкупного судьи анализировал свои поступки, намечал замыслы и планы своих произведений, оценивал, наконец, и чаще всего очень строго, то, что им было написано.

В дневниках Толстого мы находим богатейший материал для понимания не только процесса внутренней работы писателя, но и процесса его творческих исканий. Чтение толстовских дневников даёт нам возможность уяснить весь тот поистине гигантский труд, какой сопровождал никогда не прекращавшиеся и не ослабевавшие у него поиски совершенного идеала в жизни и в творчестве. То же в значительной степени нужно сказать и о письмах Толстого, которых он за всю жизнь написал свыше десяти тысяч.

Высокая идейность произведения, совершенство его художественной формы и — самое главное — искренность и правдивость художника по отношению к изображаемым им явлениям жизни — вот те основные требования, какие, в разных формулировках, предъявляет Толстой к искусству и к художнику. Писать художник должен лишь о том, что сам страстно любит, чему верит и о чём не может не говорить. На самом пороге своей литературной деятельности, в 1851 году, он писал: «Все сочинения, чтобы быть хорошими, должны... выпеться из души сочинителя». В старости Толстой говорил: «Писать надо только тогда, когда каждый раз, что обмакиваешь перо, оставляешь в чернильнице кусок мяса».

В замечательном письме к В. А. Гольцеву, написанном в 1889 году, Толстой наиболее выразительно сформулировал свои взгляды на то, что нужно подлинному художнику. Он должен знать то, что «свойственно всему человечеству и вместе с тем ещё неизвестно ему, т. е. человечеству». Для этого он должен быть «на уровне высшего образования своего века», а главное, не замыкаться в рамки эгоистической личной жизни, а жить общей жизнью человечества. Он должен овладеть мастерством и для этого упорно работать, подвергая себя самокритическому суду. И, самое главное, он должен страстно любить свой предмет и быть искренним и правдивым в своём писании. Для этого «нужно не начинать говорить о том, к чему равнодушен и о чём можешь молчать, а говорить только о том, о чём не можешь не говорить,— о том, что страстно любишь».

В дневниковых записях, в письмах Толстого мы сплошь и рядом встречаемся с его жалобами на то, что та или иная вещь, над которой он работает, перестала его удовлетворять и он не может продолжать её. Острое чувство неудовлетворённости часто сопровождало работу Толстого и над «Войной и миром», и над «Анной Карениной», и над «Воскресением». И ему нужно было обрести утраченное на время чувство любви к теме, к образам произведения, нужно было до конца ощутить правдивость и искренность своего писания, чтобы с новыми силами и новым творческим подъёмом продолжать его.

В течение всей писательской деятельности Толстого в его

голове роились замыслы художественных произведений, и к иным из этих замыслов он неоднократно возвращался, но не принимался за их осуществление до тех пор, пока не чувствовал, что его так захватила тема, что не писать уже нельзя. Многое задуманное Толстым так и не нашло себе воплощения; другое, начатое почти всегда с большой художественной силой, не было завершено потому, что вещь не поглощала его целиком, или потому, что она вытеснялась другой, сильнее его волновавшей. Наконец, иные произведения были совершенно закончены вчерне, многократно переписаны и переработаны и всё же, на взгляд Толстого, не достигли той предельной художественной ясности, какая нужна была, чтобы их можно было отдавать в печать. К числу их относился, между прочим, такой толстовский шедёвр, как «Хаджи-Мурат».

Трудолюбие Толстого и его взыскательность к себе были поистине безграничны. Он многократно исправлял, переделывал, сокращал и дополнял написанное, добиваясь, чтобы его произведение во всех отношениях стало возможно более доходчивым до читателя, чтобы «выразить словами то, что понимаешь, так, чтобы другие поняли тебя, как ты сам». Черновые редакции и варианты произведений Толстого во многих отношениях представляют собой самостоятельную ценность либо по своему содержанию либо по их художественной форме. В выходящем ныне девяностопятитомном полном собрании его сочинений это богатство неопубликованного при жизни Толстого рукописного его наследства впервые представлено действительно полно.

Толстой придавал большое значение форме художественного произведения и считал, что каждый большой художник должен создавать и свои формы. Однако он ценил форму лишь тогда, когда в произведении было значительное идейное содержание. «Странное дело — забота о совершенстве формы, — записывает он в дневнике 1890 года. — Недаром она. Но недаром тогда, когда содержание доброе... Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить — и значит сделать его совершенным художественно». Содержание же подсказывалось Толстому стремлением ответить на самые существенные вопросы, какие выдвигала перед ним жизнь. Вот почему его первоначальные замыслы в процессе их постепенного претворения часто значительно расширялись, захватывая новые большие темы и одновременно углубляя, обогащая основную тему живым, злободневным содержанием, которое доставлялось современной ему действительностью. Это особенно нужно сказать об «Анне Карениной» и «Воскресении».

Толстой оставил после себя великое наследство. Оно заключается не только в его произведениях, но и в его взглядах на задачи писателя, в его воззрениях на то, как должен

работать писатель. Слово для Толстого было средством духовного обогащения людей, и он, как мог, старался пользоваться словом именно для этой цели.

Завершая «Воскресение» в 1899 году, Толстой записал в дневнике: «Усиленно работал и работаю над «Воскресением». Есть многое, есть недурное, есть то, во имя чего пишется». И во всём, что писал, над чем трудился Толстой, было своё «во имя», было стремление в совершенной художественной форме показать и уяснить непременно большое по своему моральному и общественному значению явление человеческой жизни так, чтобы оправдать правило, предписанное им себе ещё в молодости: «Предмет сочинения должен быть высоким».

Толстой — национальная гордость русского народа и вместе с тем гордость всего человечества, потому что влияние его гения выходит далеко за пределы России. Человечеству Толстой дорог как гениальный писатель, сумевший показать ту великую правду жизни, которая нужна людям и которую они находят в его бессмертных созданиях. Пусть не во всех своих суждениях о том, что нужно человечеству, был прав Толстой,— важен самый принцип его писательской деятельности. Непререкаемое величие Толстого — человека и художника — признано всем культурным миром.

Русскому народу Толстой особенно дорог, потому что он в своём творчестве поразительно правдиво отразил духовный облик русского человека, склад его натуры, основные черты его характера. «Толстой глубоко национален, — писал А. М. Горький, — он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики... Толстой — это целый мир».

Толстой не только хорошо знал свой народ, но любил его и высоко ценил его природную даровитость. В своей записной книжке он в 1870 году отмечает: «Читаю историю Соловьёва. Всё по истории этой было безобразно в допетровской России: жестокость, грабёж, правёж, грубость, глупость, неуменье ничего сделать... Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершалась история России. Но как же так ряд безобразий произвёл великое и единое государство?!.. Но кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил чернобурых лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и растил этих людей единого корня? Кто блюл свя-

тыню религиозную, поэзию народную? Кто сделал, что Богдан Хмельницкий передался русским, а не татарам и полякам?..»

В самом этом вопросе заключается положительный ответ на него Толстого: всё это — дело рук русского народа, органическую связь с которым писатель хранил всю свою жизнь.

В неопубликованном дневнике домашнего врача Толстого Д. П. Маковицкого записаны следующие слова Толстого: «Мы все учимся у народа — Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь, и даже о Чехове это можно сказать, да и я». В другой раз, когда Толстому было указано, что читатели из народа ценят его народные рассказы, он сказал: «Да, но это я от них взял и им же отдал... ведь сам я тоже частичка народа».

В дни Великой Отечественной войны с подонками человечества — немецко-фашистскими ордами — мы особенно остро чувствуем, как преступными действиями людского отребья — гитлеровской армии — предаётся поруганию всё то, что связано с памятью одного из самых великих и человечных писателей, созданных мировой культурой. Смерть, разрушение и запустение принесла с собой фашистская чума всюду, где мирный созидательный труд стремился обеспечить людям нормальные условия их существования. Гнёт и рабство посеял германский фашизм среди народов, подпавших под его временное, но тягчайшее ярмо. Страшные беды причинил фашизм родине Толстого. Бесстыдно и нагло гитлеровские громилы, ворвавшись в Ясную Поляну, оскорбили память гениального писателя. Они опоганили, осквернили всё, что связано с именем Толстого, все те реликвии великой жизни, которые благоговейно чтит всё культурное человечество.

Победоносная Красная Армия освободила великую родину великого художника и человека от разбойничьих полчищ озверелых насильников. Напряжением всех своих духовных и материальных сил советский народ залечивает и до конца залечит тяжёлые раны, нанесённые нашей стране немецко-фашистскими захватчиками. В возрождённой жизни нашего народа ещё слышнее зазвучат голоса его славных сынов, которые крепили и крепят наш дух в мужественной борьбе за наше священное достояние, и среди этих голосов одним из самых могучих будет голос Льва Толстого.

1 руб. 50 коп.